

**Михаил
АНОХИН**

ТРИ РАССКАЗА

ПЛАТА ЗА ДУШУ

Фамилия Сергея звучала как издёвка над ним, да и на фамилию она мало походила, больше на ласковую кличку – Воробушек. Представляете, приходит в отдел кадров дядя весом за сто кило и ростом под два метра и представляется: «Я, Сергей Воробушек, – мастер по ремонту топливной аппаратуры».

Ну да ладно, на Руси и не такие фамилии есть, даже похабно звучащие, да и не фамилией человек определяется, а тем, каков его характер, или даже так: какая у него душа. Так вот, душа у Сергея Воробушка была дерзкой до неприличия! Мало того, что он начальства никакого терпеть не мог, так он и женщин своей дерзостью приводил в смущение. Словом, ни такта, ни приличия этот человек с ласковой фамилией Воробушек не знал, и по всему видно, что и знать не хотел.

Многие называли его хамом, но какой же он хам, если отца своего до самой смерти не иначе, как тятей не величал? Смешно в наше оголтелое время было слышать от него такие слова: «Не могу, тятя этого не одобрит».

Это сейчас-то, когда сопливые юнцы ни во что родителей не ставят, но о своих правах, точно сороки, по любому поводу стрекот поднимают

99

такой, что уши затыкай да беги куда глаза глядят, а ещё лучше: вынь да положь!

Да и жену, пока она жива была, очень даже уважал, хотя она бездетна, и свой дерзкий язык при ней не распускал. Нет, не хам был Воробушек, а именно – человек дерзкий, до неприличия. Можно сказать – стихийный был человек этот Сергей Воробушек. Не оформленный да не запряжённый, иначе сказать – невоспитанный.

Из-за своей дерзости Сергей Воробушек на одной работе долго не задерживался. А мастер он был классный! По звуку работы мотора определял, что у него там, внутри, происходит.

– Я, – говорит, – доктор, а вы все фельдшера...

О его дерзости судите сами. Когда генсек бывшего СССР Михаил Горбачёв в «народ ходил», довелось ему побывать на предприятии, где работал Сергей Воробушек. И что ж вы думаете, Серёга и тут отличился! Во время встречи с самым главным человеком в стране он возьми да и спроси: «А сколько этот костюм, что на Вас, стоит?».

Михаил Сергеевич, то есть Горбачёв, чего-то там про жену сказал, но смутился здорово, а крепкие ребята плечами затолкали Воробушка в общую массу рабочего люда, чтобы не смел смущать начальство.

АНОХИН Михаил Петрович родился в 1944 году в селе Калары Таштагольского района. Работал пожарным, геологоразведчиком, рыбаком тралового флота на Камчатке, строителем, журналистом. Окончил литературную студию при Алтайской организации Союза писателей СССР. Пишет стихи, прозу, публицистику. Автор нескольких книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Звезда», «Наш современник», «Алтай», «Огни Кузбасса», в различных коллективных сборниках. Участник забастовочного движения шахтёров (1989 год). Член Союза писателей России. С 1984 года живёт в Прокопьевске.

Понятное дело, при таком характере и при нашем-то советском воспитании Серёга не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни даже в материю, если она не была зажата в его маленьком, но крепком кулаке. Словом, это человек не только дерзкий, но и до крайности самонадеянный.

Вот такой был этот «воробушек», составленный из каких-то углов и шипов, хотя кто его знает, что там у человека внутри.

Сергей Воробушек дожил до пенсионного возраста и явился в органы назначения пенсии с четырьмя исписанными от корки до корки трудовыми книжками! Это удивило даже выдавших виды чиновников. Но и этот многотрудный этап оформления пенсии был преодолен им. Наступили времена пенсионные, и тут на беду Сергея случилось прочесть ему объявление в газете. Короткое такое объявление, буквально несколько строк: «Покупаю души». И приписка соблазнительная «Дорого».

В газетах нынче печатают и не такую дурь, но эта запала ему в душу, которую некто хотел у него купить. Долго он мусолил эту тему про себя, пока не пришла в голову, как ему показалось, гениальная мысль: «А что если я продам свою душу, а деньги отправлю на строительство храма?»

Мысль эта, можно сказать, родилась одновременно с прочтением злосчастного объявления в газете, потому что номер расчётного счёта строящейся церкви был как раз рядом с объявлением о покупке душ, вот только оформилась, осозналась она несколько позже.

Соблазнился Серёга тем, что, по его мнению, душу можно «вытряхнуть» из человека одним способом – убить его! А всё остальное из области суеверий и человеческого лохотронства. Да и как можно распорядиться тем, чего в руки не возьмёшь?

Так думал Серёга и пришёл к твёрдому заключению, что это – лохотрон, только вот маленькое облачко оставалось на горизонте: если это лохотрон, то как с него поиметь выгоду, купив нечто, что, по мнению Сереги, являлось метафорой человеческой личности? И стало Серёгу Воробушка жечь любопытство, да так неотвязно, что он даже заболел от этого. Ну никак не решалась эта загадка: зачем кому-то понадобилась его душа?

Вспомнил Сергей школьное: и Чичикова, и доктора Фауста, и многое что другое, слышанное от людей и читанное в дешёвых бульварных газетах. И заговорила в нём дерзость: обману

этих прощелыг, которые души скупают, и тем самым сделаю дело доброе. Мысленно целую теорию сочинил о доброделии, даже азарт появился, поскольку до этого такие мысли о добре не приходили в его голову.

Впрочем, когда-то давно, когда Серёга Воробушек увлекался чем попало и, в частности, стихами, он твёрдо усвоил, что «добро должно быть с кулаками». Вот и все понятия о добре, что сидели до этого в глубине Серёгиной души, обречённой им на продажу.

И вот надо же: объявление о покупке души и молитвенная просьба о помощи в строительстве храма странным образом соединились и родили азартное и дерзкое намерение Воробушка самому обмануть обманщиков. Сделать небывалое для него дело: помочь в строительстве, как бы он сказал ещё год тому назад, да и то через губу – культового сооружения.

Так и сделал: написал по указанному адресу письмо о том, что согласен продать свою душу и вскоре забыл о нём. Вспыхнула эта идея в нём ярко, как новогодний фейерверк, и тут же пропала.

Однажды в пресквернейшую осеннюю погоду поздно вечером в дверь его квартиры постучали. Сергей выключил телевизор и пошёл открывать. Привычки спрашивать, кто там, он так и не приобрёл, обычно спрашивала и дверь открывала его жена, но жена вот уже два года, как покоилась на кладбище.

Не успев перешагнуть порог, незнакомец из-под капюшона мокрого плаща сказал: «Я насчёт покупки Вашей души», чем ввёл Сергея в страшное смущение, поскольку он стал подзабывать этот эпизод из своей жизни.

Пришлось не только принять из рук посетителя плащ и повесить его в ванной, чтобы вода немного стекла с него, но и провести гостя на кухню. Без горячего чая также не обошлось. И всё время, пока Сергей суетился, эта затея с продажей души ему уже не казалась такой уж умной. И особенно неудобно он чувствовал себя, когда искоса и изредка бросал взгляд на этого позднего гостя.

Надо сказать, что внешность гостя была невзрачной, разве что особая бородка «а-ля козёл» да быстрый, обтекающий всё вокруг взгляд придавали этому бледному и флегматичному лицу некоторую живость. На госте был глухой свитер, что неудивительно, если судить по погоде.

Когда чай был разлит по стаканам и выставлена на стол вазочка с песочным печеньем, Сергей, давась словами, сказал:

– Только я никаких документов подписывать не стану. Тем более – кровью...

– Фу ты! – искреннеотреагировал гость, и Сергей почувствовал эту искренность. – Начитались всякой чепухи и телевизор насмотрелись... – И уже с ноткой жалобы в голосе продолжил: – Ну что ты будешь делать?! К кому бы ни пришёл, везде почти одно и то же! Это уже скучно становится. – И совсем упавшим голосом пробормотал: – Средневековье какое-то.

Это искреннее возмущение и бормотание подействовали на Сергея как ушат холодной воды на пьяницу, поскольку он так и не мог до конца поверить, что нашёлся человек или организация какая-то, которая и на самом деле, без дураков, покупает души.

– Да Вы что, на самом деле души покупаете? Ну, Чичиков, понятно, там основа была – ревизские сказки, а тут? Не морочите ли Вы голову мне и другим? – спросил Серёга между двумя глотками горячего чая.

– И тем не менее Вы написали, что готовы продать свою, подчёркиваю это, свою душу, следовательно, поверили в то, что есть люди или организации, готовые эту душу купить. Так?

– Так, – Сергей вынужден был признаться в этом. – Но я подумал, что это шутка, или, простите меня, сумасброд какой-то написал. – Ему при всей его дерзости, никак не выговаривалось сказать то, что вертелось в голове: «Или сатана покупает?».

– И тем не менее Вы в это поверили. Даже вот, мысленно предположили, а не сатана ли это покупает души? А какая Вам разница, кто? Вы ведь всё равно не верите ни в Господа Бога, ни в сатану, как, кстати сказать, и душу понимаете чисто метафорически.

Серёге хотелось сказать: «Большая разница», – и опять, к собственному удивлению, он ничего не сказал. То ли оттого, что душа его трепетала от одной мысли, что будет продана, и потому из неё вся дерзость улетучилось? Или же Серёгина дерзость почувствовала в пришельце родственное начало, упала, наподобие собаки, на спину и замолотила хвостом в знак покорности. И этот стук сердца у горла не есть ли стук молотящего хвоста Серёгиной дерзости?

– Как бы то ни было, – ровным голосом, даже без малейшего признака эмоциональности,

словно не человек, а машина читает заранее написанный текст, продолжал незнакомец, – а я готов предложить за Вашу душу сто тысяч рублей наличными, – он нагнулся и достал пачку купюр. – У меня даже упаковка, заметьте, банковская...

И только тут Сергей обратил внимание, что посетитель был с кожаным портфелем. Пока он занимался плащом, этот господин пронёс портфель на кухню и сунул его под кухонный стол.

– Предвосхищаю Ваш вопрос: зачем мне Ваша душа? – спросил незнакомец.

– Вот именно, зачем? – как эхо откликнулся Сергей.

– А Вы скажете, зачем Вам деньги? – посетитель сделал паузу, а потом, словно омывая под струёй воды кисти рук, стал энергично их потирать. – Вот видите, Вы затрудняетесь ответить на этот вопрос. Представьте себе, и я не знаю, что буду делать с Вашей душой, когда её куплю у Вас. Как говорят, были бы деньги, а куда их потратить – нет проблем!

– То деньги, а то душа! – Сергей попытался возразить, но посетитель легко парировал и это.

– Вот именно! Стало быть, я как-то предполагаю использовать Вашу душу, точно так же, как и Вы, как-то предполагаете истратить мои деньги. Как-то, но как точно – о том и сами не ведаете. Согласитесь, что использование денег и собственности – дело личное, так ведь?

Сергей молча кивнул головой, поскольку решение о продаже своей души, несмотря на какие-то вспыхивающие в голове сомнения, только окрепло.

– Сто тысяч за мою душу – это мало, – сказал он и сам удивился некой ирреальности происходящего, словно уснул и вот – сон, а во сне происходит эта нелепица! За столом сидит человек, в руках у него – банковская упаковка достоинством в сто тысяч рублей, и он покупает у Сергея душу – нечто такое, чего нельзя положить вот так, в портфель, как деньги, и унести с собой.

«Дурак! Сумасшедший!» – такие мысли одна за другой, словно стрижи, прочеркивали пространство его сознания поверх всех неясных тревог.

Посетитель опять сделал этот странный жест кистями рук, словно умывал их, и сказал:

– А сколько бы Вы хотели за свою душу? Я Вам предложил хорошую цену, многие за меньшую продавали.

– Миллион! – выпалил Сергей и задохнулся от своей дерзости.

– Вы полагаете, Ваша душа стоит таких денег?

– Это самое малое. И учтите, мне не нужна наличка здесь и сейчас. Нынче таких денег напечатывают – просто загляденье, а завтра – милиция и наручники...

– Хорошо, я дам Вам банковский чек на предъявителя, и Вы получите свои деньги в Сбербанке.

– Миллион?

– Давайте компромисс – половину. Больше не могу.

Холодный пот выступил на лбу Сергея, и ощущение нереальности стало еще сильнее, а странный посетитель между тем ровным голосом продолжал:

– В сущности, нам остаётся только ударить по рукам, и Вы должны сказать: «Согласен», – он протянул Сергею банковский чек на полмиллиона рублей.

– Ничего я говорить не буду, – буркнул Сергей, ощущая сухость во рту. – И руки Вам подавать не стану. – Произнеся это, он взял чек и сунул его под чайное блюдечко.

– Как хотите, я не настаиваю, – с этими словами незнакомец встал из-за стола.

Уже на пороге квартиры незнакомец сказал как бы невзначай, словно запомнил и только сейчас вспомнил:

– Сделка будет считаться состоявшейся с того момента, как Вы станете тратить полученные деньги, – и уже с нескрываемым юмором, за порогом: – Берегите душу, как-никак она, в некотором смысле, уже не совсем ваша, а, так сказать, чужая собственность, находящаяся под Вашим временным управлением.

На следующее утро Сергей встал с большой головой, и всё вчерашнее показалось ему сном. Он по обыкновению прошёл на кухню, чтобы поставить чайник на плиту, и тут увидел, как из-под блюдечка выглядывает краешек бумажки весьма необычного цвета. Дрожащими руками он почти отшвырнул блюдечко... Чек на полмиллиона рублей, самый настоящий чек, а вовсе не плод ночного кошмара, глядел на него и, казалось, нагло и дерзко улыбался своей гербовой печатью.

Ноги у Сергея сразу одеревенели, а сердце заколотилось в горле. «Всё! Всё! – мысленно говорил себе Сергей. – Всё до копейки и ничего себе... сразу... сейчас же...»

Он даже не стал пить утренний чай, а наспех собрался и поехал в ближайшее отделение Сбербанка.

Операторша удивилась, что некий гражданин Воробушек перечисляет такие деньги на храм. Она даже сносила чек «куда надо», но чек был подлинный, «на предъявителя», и оснований для несовершения операции по переводу денег на строительство храма не было никаких.

Всё это время Сергей Воробушек находился в странном, заторможенном состоянии, словно не сам подписывал бумаги и отвечал на вопросы, а не имел к этому никакого отношения. Более того, какая-то здраворассудочная часть в нём удивлялась происходящему. Удивлялась и истошно вопила от необъяснимого, иррационального страха.

– Вот, – сказала операторша и выложила перед Сергеем четыре копейки, – это, простите, сдача от суммы переведённых Вам средств и после уплаты из этой суммы соответствующих сборов.

Сергей машинально сунул эти медяки в карман и скорым шагом вышел из помещения Сбербанка. Остро захотелось курить. Он зашёл в ближайший киоск, купил пачку болгарских сигарет «Опал» и коробку спичек. Вышел на крыльцо и с наслаждением сделал глубокую затяжку. Удивление тому, что глупейшая во всех смыслах сделка состоялась, не только не прошло, но напротив – усилилось.

– Уж не сплю ли? – почти вслух спросил Воробушек неизвестно кого, не имея больше сил сдерживать в себе внутренний голос. И тут почувствовал, что кто-то сзади дотронулся да его плеча.

Словно ушат кипятка вылили на Сергея. Он охнул и осел здесь же, на крыльцо киоска, под ноги покупателей. И последним, ярким видением в его жизни было, как в общей массе денег, которыми он рассчитался за сигареты и спички, жёлтым глазом мелькнули копеечные монеты, та самая сдача, которую он получил как плату за свою душу.

И услышал дикий хохот над собой: «Надо же, алкаш! Утро ещё, а он уже нализался!»

Мявкнули чего-то губы Воробушка, вроде как «мама» сказать хотел, да только никому до его последнего слова дела не было. А те, кому дело было до Воробушка, чего человек последним своим выдохом сказать хотел, мало интересова-

лись. Они взяли его за ноги и за руки, и забросили Воробушка в кузов машины на брезентовую палатку. А дальше... Дальше у Воробушка был путь, которого никто не минует. Даже те, у кого душа не продана.

ДЕДУШКИНА СКАЗКА

В многоквартирном доме на окраине небольшого городка, в комнате, где письменный стол и книжный шкаф, на двуспальной кровати лежали внук и дед.

Хрюша и Степаша пожелали малышу доброй ночи, и оба, внук и дед, надеялись, что эта ночь, как и все предыдущие, будет доброй.

– Дедушка, расскажи мне сказку? – попросил внук.

Сказка была обязательной перед отходом ко сну, и деду приходилось выдумывать каждый раз что-нибудь новенькое.

– Ту, из книжки, которую я тебе читал в прошлый раз, про Алёнушку и братца Иванушку?

Спросил дед на всякий случай, потому что выдумать сказку не так-то уж просто.

– Нет! Я не хочу.

И внук нараспев, подражая деду, произнёс: – Рожки болят, ножки болят! Ты придумай новую, свою сказку. Я твои сказки люблю.

– Ну, хорошо, так и быть, совру что-нибудь, – усмехнулся чему-то своему дед.

– Врать не надо, ты взаправду рассказывай.

Внук вздохнул, отвернулся, прижал к груди дедову руку, а потом стал почёсывать ему ладонь. Было приятно и в то же время тревожно, так как неизвестно, к чему приведет такая привычка. Дед не знал этого и от того, что не знал, волновался. Тайна становления человека, была самой тревожащей из всех тайн, смущавших душу деда.

– Ну это я так сказал потому, что в сказках всё бывает понарошку, но так, как по правде, – поправился дед. – Хорошо. Слушай. Жили-были папа, мама и сынишка, Кирилка...

– Опять «жили-были», – откликнулся внук, переворачиваясь с бока на спину, но дедову руку не отпустил.

– В прошлый раз «жили-были дед да бабка» и сейчас – «жили-были...»

– Но ведь и на самом деле «жили и были» – возразил дед, пододвигаясь поближе к внуку, иначе, если не пододвигаться, то он уляжется поперёк кровати.

– Вот ты живёшь, и у тебя есть папа и мама, а ты есть у них, так ведь?

Внук подумал и сказал:

– И у тебя есть я, да?

– Разумеется, и у меня. Сказку рассказывать?

– Ладно, рассказывай, – великодушно разрешил внук и оставил ладонь деда в покое, повернулся к нему лицом и провёл рукой по щеке.

– У меня тоже, когда я буду старый, щетина вырастет? – спросил внук.

– Не отпадёт голова – прирастёт борода, – ответил дед той же присказкой, какой ему отвечал на этот вопрос его дед, когда он был маленьким.

– А как она прирастает? – внук приподнялся и заглянул деду в глаза.

– Обыкновенно, как волосы к твоей голове приросли, так и щетина к щекам прирастет.

– А на лбу не будет прирастать? – и он дотронулся до дедова лба.

– Не будет, – сказал дед. – Ты сказку просил...

– Ну ладно, рассказывай, только когда усну, можешь не рассказывать, потому что ясны смотреть буду.

– Ну, так вот, жили-были папа, мама и сынишка Кирюшка...

– Его, как меня, звали, да?

– Да, как тебя. Мама работала стюардессой на большом самолёте, что каждое утро, когда ты идёшь в садик, пролетает высоко в небе...

– А моя мама в банке работает, – сказал внук.

– Это сказочная мама... А папа работал спасателем.

– Он людей спасал, да?

– И людей, и зверюшек разных – словом, всех, кто попал в беду – такая у него была работа.

– Тяжёлая, да?

– Тяжёлая, ответственная и опасная. Так вот, сынишка у них, Кирилка, рос мальчиком серьёзным, в лужи не лез, девочек за косы не дергал, слабых и маленьких не обижал, и потому папа отпускал его гулять одного и не боялся, что он выскочит на проезжую часть дороги...

– А на не проезжую он мог выскакать, да?

– На не проезжую – мог. Они жили на окраине города в большом доме...

– Как наш, да?

– Как наш, – согласился дед и продолжил – А за домом было поле, а дальше большой тёмный лес. Мальчику всегда хотелось поглядеть,

что в лесу, потому что он бывал на поле и видел, какие цветы и в какое время там растут, а в лесу не был...

– Папа ему показывал, да? – спросил внук.

– Да. Папа водил мальчика на поле и весной, и летом, и осенью...

– А он говорил, что цветочки рвать нельзя, что им больно?

– Говорил. И вот однажды Кирилка решил пойти в лес...

– Он из садика убежал, да? – спросил внук в очередной раз, поворачиваясь с одного бока на другой.

– Нет, садик был на карантине, а он был один в доме. Я же тебе говорил, что он был мальчиком серьёзным и самостоятельным, и потому мама и папа оставляли его одного.

– Без присмотра? – внук спросил серьёзным тоном, в котором легко читалось осуждение сказочного папы и сказочной мамы.

– Серьёзных и самостоятельных мальчиков можно оставлять без присмотра, но это нужно заслужить, – пояснил дед. – Когда я был такой маленький, как ты, меня мама оставляла в доме за старшего на целый день и даже на целую ночь, потому что папа мой...

Тут дед прервал собственные воспоминания и сказал:

– Ты слушай и не перебивай меня, а то я до утра сказку не расскажу.

– А она длинная? А ты был серьёзным, когда был маленьким, и заслужил?

Дед задумался. Он не знал, что сказать о себе маленькому своему внуку, как этого не знал, когда такой же вопрос задавали его сын и дочь. Ограничился кратким: «Длинная».

– Тогда я до утра спать не буду, – уверенно заявил внук.

– Так вот, прошёл он поле и вошёл в лес. На поле ярко светило солнышко, а в лесу было сумрачно, как бывает, когда солнышко спать ложится...

– Ты говорил мне, что солнышко не спит, а светит в других странах, другим мальчикам и девочкам.

– Совершенно верно, оно закатывается. Ты слушай. Мальчик хотел было уйти из леса, но увидел кустик с ягодой. Ягоды были красные, и он знал, что их можно кушать, хотя они и кислые без сахара...

– Я знаю, у другого деда в огороде такой куст растёт, его красной смородиной называют.

– Так оно и есть. Так вот, деревце за деревце, кустик за кустик, и вышел мальчик к большому тёмному озеру посреди того леса. По берегам озера росла высокая трава-тростник. Мальчик вытащил из кармана складной ножичек, который ему папа подарил на день рождения...

– А мне папа не дарит ножичек, – пожаловался внук. – Говорит: «Ты ещё маленький» и ещё говорит: «Беды не оберёшься».

– Будешь серьёзным и самостоятельным, подарит. Так вот, срезал он тростинку и дунул в неё, а она, дудочка та, заплакала девчоночьим голоском: «Лежу я на дне озера, ручки-ножки мои травкой связаны, злая колдунья меня утопила».

Испугался мальчик Кирилка и со всех ног припустил домой, а дудочку ту не бросил. Дома папа с работы пришёл, и сын ему всё рассказал, а мамы не было потому, что она была на работе, в своём самолёте.

«Нет никаких колдуний, тебе в лесу со страха показалось», – сердито сказал папа. Он очень не любил разные выдумки про страшное, наверное, потому, что много чего страшного видел на своей работе.

«А вот есть!» – выкрикнул мальчик и вытащил из кармана дудочку. Теперь он был дома и рядом папа, так что бояться совершенно нечего было. Он дунул в неё. Заплакала тростинка, и папа вначале удивился, а потом разозлился на ту злую колдунью. «Ты иди в ванную, помойся да спать ложись, а завтра утром мы с тобой сходим и девочку ту поищем, попробуем её спасти». – «Пробовать не надо, – сказал сын, – а надо спасти». – «Вот-вот», – согласился папа, прикрывая дверь ванной за сыном.

Ночью пришли к мальчику сны всякие-разные, и был один нехороший сон, потому что приснилась ему колдунья на берегу озера. Погрозил ей Кирилка кулаком и назвал её злою, и та исчезла из Кирилкиного сна.

Папа утром встал рано и всё приготовил, чтобы спасти девочку, а потом разбудил сына. Они попили чай с сыром, маслом и хлебом, оставили на столе записку маме, что вернуться после обеда, и ушли.

И вот они пришли к озеру тому проклятущему, где на дне лежит девочка. Снял папа с плеч рюкзак, и тут налетела стая чёрных ворон, так, что всё ещё темнее стало, чем было, а потом раздался хохот, и увидели они, что перед ними стоит колдунья.

Папа наклонился к сыну и сказал ему тихонько: «Ты ничего не бойся, а я пойду и разберусь с этой особой».

Только эта особа, то есть колдунья, не стала дожидаться, когда с ней «разберутся», а сказала страшное заклинание, и папа с сыном превратились в диких серых уток...

– Я не хочу больше слушать эту дурацкую сказку! – выкрикнул внук. – Этих дурацких колдуний не хочу и этого дурацкого озера тоже!

– А кто хочет? – спросил дед. – Никто не хочет, а девочка та в беде, может быть, потому и в беде, что никто не хочет слушать о дурацком озере и дурацкой колдунье.

Дед сделал паузу, а потом спросил внука:

– А ты, как ты думаешь?

Внук попыхтел-попыхтел, раза два ударил своим кулачком по подушке:

– Вот так её! Злюку! Вот так!

Дед молчал. Прошла минута, другая, и внук сказал, сглатывая слёзы:

– Ну, чего замолчал? Рассказывай дальше свою дурацкую сказку.

– Приехала мама из аэропорта, прочла записку и принялась на кухне готовить вкусненькое для сына и папы. Вот и вечер наступил, солнышко стало закатываться, а их нет. А там, на озере, плавают две уточки, и маленькая уточка говорит большой: «Папа, я хочу домой. У нас крылышки с тобой есть, давай прилетим к маме и сядем на балконе». – «Нельзя, сыночек, – отвечает ему большая уточка-папа, – не признает нас мама, да и люди подумают, что мы обыкновенные дикие уточки. Поймают нас, головки отрубят, зажарят и съедят»...

Внук плакал уже навзрыд, но дед продолжал рассказывать, словно не слышал этих приглушённых подушкой всхлипываний.

– Вышла мама на балкон, а тут птичка серенькая прилетела, села на перильце и поглядывает на маму своими бусинками-глазками.

«Зёрнышко хочешь?» – спросила мама, удивляясь тому, что серенькая птичка её не испугалась и не улетела, как это обычно бывает.

Пошла она на кухню и в ладони принесла подсолнечных семечек. Протянула ладошку к птичке, а та скок к ладошке и клюнула раз, два. «А у меня, – пожаловалась мама, – муж и сын потерялись».

И вдруг та серенькая птичка стала говорить человеческим голосом: «Их злая ведьма в уток превратила, плавают они на лесном озере.

Ты время даром не теряй, собирайся в дорогу, нужно отыскать добрую волшебницу-фею, иначе с той колдуньей не справишься».

«Ох! – сказала мама и заплакала, потому что все мамы после «ох» плачут, а папы не плачут. – Где же я её найду, добрую фею? Я дороги не знаю». – «А ты иди туда, где солнышко садится, а дорога тебя сама найдёт», – посоветовала птичка.

Мама тут же принялась одеваться и пошла в ту сторону, где солнышко садилось. Шла она, шла и ночью, и днём, и зашла она в лес, но не тёмный, как тот, где озеро, а светлый. Очень она устала, но мамы, которые ищут своих сыновей, своих любимых мужей, много чего могут, а уж про то, что устали, так об этом и не вспоминают вовсе. И вот она нашла домик с голубыми ставнями, с высоким крыльцом, с яблоневым и вишнёвым садом вокруг дома. А на крыльчке в плетёном кресле сидела молодая женщина, очень красивая...

И тут внук подал голос:

– Как наша воспитательница, Полина Ильинична, да?

– Конечно, – согласился дед. – Увидела она маму и говорит ей: «Знаю, зачем пришла. Ждала я тебя. Присядь, медовой воды попей, яблочко скушай»...

– Лучше бы тархун попросила, – сказал внук. – Моя мама тархун любит.

– Ладно, в следующий раз она тархун предложит, – сказал дед и добавил: – Учтём. Ну, так вот, отвечает доброй волшебнице мама: «Спасибо тебе на добром слове, да не могу я воду пить и яблоки кушать, потому что кусок в горле застрекает. Горе у меня». – «Горю твоему помочь можно. Вот тебе палочка-выручалочка»...

– Палку большую нужно, – крикнул внук, – чтобы как дать-дать той злой колдунье!

Он уже давно не плакал, предугадывая финал сказки. Ведь дед всегда говорил ему, что в сказках вначале всё плохо, а потом всё хорошо. Только дед всегда рассказывает так, что кажется – всё взаправду, а во взаправде не всегда всё бывает хорошо даже в конце. Это внук стал уже понимать, особенно тогда, когда мальчик из его группы погиб вместе с отцом, разбившись в машине.

– Взяла мама палочку-выручалочку, а добрая волшебница и говорит: «Махнешь палочкой и скажешь: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое»...

– А наваждение – это когда наваживают? – спросил внук.

– Что-что? – не понял дед.

– Ну, это когда мама говорит: «Вы его не наваживайте»?

Дед на секунду-другую задумался:

– Наверное, мама права, и ты прав. Ведь когда наваживают, то хороший мальчик становится капризным, нехорошим, злым.

– А девочки? – поинтересовался внук.

– У, а девочки ещё хуже, – вырвалось у деда что-то своё, наболевшее.

– Ну ты слушай, уже немного осталось. Так вот, взяла мама эту палочку и запомнила слова, которые следует сказать, а добрая фея сделала так, что мама враз оказалась на берегу того лесного тёмного озера. И видит она двух уток, и зовёт их: «Ути, ути, плывите ко мне». Обрадовались утки...

– Папа и сынишка, – поправил внук.

– Конечно, папа и сынишка, – согласился дед. – Подплыли утки к бережку, мама палочкой-выручалочкой взмахнула и сказала: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое», и обернулись утки папой и сынишкой. Мама поцеловала их, обняла...

– Крепко-крепко, – и внук обхватил шею деда и прижался к нему.

– Да, внучек, да. Именно так: «крепко-крепко!» – и дед погладил внука по голове. – А сынок, Кирилка, сказал маме: «Знаешь, мама, как без тебя плохо нам с папой было?!» – «А мне без вас – невыносимо плохо», – сказала мама.

И тут опять налетели вороны, лес зашумел, деревья закачались, и появилась злая ведьма: «Ты зачем моих уток в людей превратила? Да я тебя!»

И только хотела злая ведьма сказать свое страшное-престрашное заклятие, как мама подняла палочку и сама сказала заветное слово: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое». И тотчас ведьма превратилась в старый трухлявый пенёк. «Ну, теперь домой, – сказала мама, – а то дома стены без нас скучают...»

– А девочка, – спросил внук, борясь со сном, – которая в озере, на дне лежит?

– Папа сказал: «Тут девочку одну спасти нужно». И принялся вытаскивать из рюкзака свои спасательные инструменты. А мама взмахнула над озером палочкой-выручалочкой и сказала: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое», и девоч-

ка, ровесница мальчика Кирилки, очутилась на бережку, жива и здорова!..»

– Здровецкая сказка, деда, – пробормотал внук и тут же уснул.

Утром, собираясь в садик, внук спросил:

– А девочка та нашла своих папу и маму?

– Какая девочка? – удивился дед.

– Ты что, забыл? Ну та, что в озере была и в дудочку плакала?

– А ты как думаешь? – спросил дед.

– Наверное, нашла, – ответил внук и добавил самым серьёзным тоном, на который был способен: – И девочкам без пап и мам плохо.

Потом, уже дня через три, неожиданно для деда внук вернулся к теме этой сказки:

– Если не нашла та девочка папу и маму, то её Кирилка усыновил. А потом, когда они выросли, он сделал её своей женой.

ЧЕГО ВРАТЬ-ТО?

В районное село приехал песенный ансамбль из города поздравить ветеранов. Председатель райисполкома строго-настрого наказывал заведующей отделом культуры:

– Зиночка, чтобы мне никаких ненужных эксцессов не было, – и, помолчав, добавил: – Особенно проследи за Петром Кузьмичём Ложкиным, кабы он, как в прошлом году, не оконфузил весь наш район неуместными вопросами и комментариями. Слово ему ни в коем разе не давать, ни перед началом чествования ветеранов, ни в конце.

– Да ведь он, Ипполит Матвеевич, слово ни у кого не спрашивает... – жалостливо, почти обречённо ответила заведующая культурой района.

– Тем более, Зинаида Ефимовна, – как можно строже сказал Ипполит Матвеевич и свёл брови к переносице, что означало наивысшую форму его озабоченности.

Между тем Пётр Кузьмич Ложкин был ветеран всех «времен и народов». Во-первых, он первый основывал колхоз в этой деревне. Не по доброй воле, конечно, но быстро вписался в обстоятельства. Во-вторых, фронтовик, контужен на ближних подступах к Москве. В-третьих, с весны сорок третьего года и до ухода на пенсию – бессменный председатель колхоза, известный во всех партийных органах своей строптивостью. Он даже кукурузу на силос отказался садить, а когда хотели снять, то нужно было

«снимать всё население колхоза», так как, не в пример многим, в его колхозе люди в самые голодные годы не голодали. Вот и представьте, как такому человеку не дать слова? Хотя Петру Кузьмичу и было уже восемьдесят пять годков, однако голос он имел звонкий, отнюдь не старческий, а характер настойчивый.

Все вступительные речи да и сам концерт прошли без эксцессов, а всё началось тогда, когда артисты вышли на кромку сцены и стали кланяться сидящим в зале ветеранам. Пётр Кузьмич встал со стула, специально доставленного из райисполкома для ветеранов, и стал в ответ кланяться артистам. А потом, когда приутихли овации, своим звонким и внятным голосом сказал:

– Спасибо, спасибо! Хорошо орали! Старались.

И опять принялся кланяться. На весь зал, обращаясь уже к главе района, предложил:

– Ты бы, Ипполит Матвеевич, чего-ничего ребятам дал за усердие да с Богом и проводил. Вона, как громко орали-то!?

Уже выходя из Дома культуры, Зинаида Ефимовна вцепилась Ложкину в локоть и зло прошипела:

– Не орали, а пели, – и добавила с ноткой негодования в голосе: – для вас, между прочим.

Ложкин остановился и нарочито громко сказал:

– Да что Вы, любезная Зинаида Ефимовна, разве ж я за свои восемьдесят пять лет пения не слышал? Нет, голубушка, когда песни-то поют, то плакать хочется, а когда орут, то, понятное дело, хочется плясать или ещё что... нет, они, эти городские, и вправду старались. Чего врать-то?!

Литературная жизнь

Поэты Александр Ибрагимов и Виктор Коврижных на фестивале поэзии в Юго-Александровке. 2015 год